
СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

УДК 130.2

«ЯКО БЛУДНИЦАМ ОБЫЧАЙ ЕСТЬ...»: КАЗУС С БОРОДОЙ ВАСИЛИЯ III

В.В. Пенской

Белгородский государственный национальный исследовательский университет
e-mail: penskoy@bsu.edu.ru

В статье автор анализирует оживленную дискуссию среди русских книжников 2-й четверти XVI в. Эта дискуссия была вызвана решительным шагом великого князя Василия III. Князь перед вторым браком сбрил бороду. Этот его шаг вызвал подлинное потрясение моральных основ русского общества и поставил перед книжниками целый ряд нравственных и политических проблем. Они были разрешены уже после смерти Василия III при его наследнике Иване IV. Решением Стоглавого собора брадобритие было запрещено как грех и было приравнено к уголовному преступлению. Запрещение брадобрития способствовало завершению формирования классического облика жителя Московии.

Ключевые слова: Россия и русское общество в XVI в., русская культура XVI в., гендерные роли, традиционализм.

В середине 20-х гг. XVI в. московский «свет» был потрясен и живо обсуждал две новости. Первая – государь решил развестись с прежней супругой, оказавшейся «неплодной», не давшей ему желанного наследника (эта история заслуживает отдельного рассмотрения – В.П.). Вторая же заключалась в том, что после развода, задумав жениться на юной красавице Елене Глинской, дочери князя Василия Глинского, он, по словам петербургского историка А.И. Филюшкина, «впервые в жизни сбрил бороду и ходил только «в усах». И далее он писал, что этот неожиданный шаг Василия III вызвал при дворе настоящий шок, бояре при виде бритого государя только что в обморок не падали...»¹. Решение Василия III развестись, жениться вторично и попутно сбрить бороду вызвало бурную дискуссию среди русских книжников (которая, учитывая ее подтекст, имела вполне себе политический оттенок и могла дорого стоить диспутантам). И это немудрено, ибо, как подметил Я.С. Лурье, проблема второго брака Василия II (и брадобрития) подняла «множество острых политических и нравственных (выделено нами – В.П.) вопросов. Прежде всего поступок Василия III был вызовом традициям и церковным

---

¹ Филюшкин А.И. Василий III. М., 2010. С. 285.

установлениям (с браком – да, но вот с бородобритием, как будет показано ниже, не совсем – В.П.). Вставал, следовательно, вопрос о пределах власти «государя всея Руси», о том, **что сильнее: эта власть или вековой обычай, утвержденный церковью** (выделено нами – В.П.)...»².

В самом деле, бездетность государя неизбежно влекла после его смерти радикальные перестановки при дворе и смену политических ориентиров, и эти перемены неизбежно влекли за собой опалы и даже казни проигравших и тех, кто был связан с ними родственными и патрон-клиентскими связями. И, выступая против развода государя, защитники канона тем самым ставили под сомнение свою лояльность верховной власти. Бритье же бороды и связанная с ним смена облика великого князя, перестававшего в результате такого шага соответствовать каноническому облику православного государя ставило, в перспективе, вопрос о том, является ли Василий III настоящим, «прямым» православным государем? Неудивительно, что в итоге дискуссия вокруг допустимости второго брака государя и бритья бород приобрела столь живой и острый характер с ярко выраженным политическим оттенком. Этот спор длился без малого два десятка лет, мотив осуждения «поругателей образа Божия» в это время становится достаточно популярным в русской учительной книжности, и итоги его были подведены на знаменитом Стоглавом соборе (и, как оказалось, не в пользу Василия III).

История с разводом великого князя неоднократно становилась предметом обсуждения в отечественной исторической литературе – начиная со времен князя М.М. Щербатова, впервые в новые времена поведавшего россиянам (впрочем, оставшихся к его «Истории» «ленивыми и нелюбопытными») об этой истории, и заканчивая уже упомянутым выше А.И. Филюшкиным³. Напротив, казус с государевой бородой, хотя и упоминался⁴, но предметом специального разбора (как сам по себе, так и контекст его) не становился. Между тем он заслуживает такого рассмотрения, поскольку в равной степени с разводом также ставит вопросы и политические, и нравственные. О том, что проблема бородобрития была, с точки зрения русских книжников той эпохи важна едва ли не меньше, чем история с разводом великого князя, свидетельствует, с одной стороны, острота самого ее обсуждения (в ходе которого стороны особо не стеснялись в выборе выражений и средств), так и тот факт, что по одну сторону баррикад оказались непримиримые с давних пор враги – «иосифлянин» митрополит Даниил (подвергавшийся жесткой и порой несправедливой критике за шаги навстречу желаниям Василия III, в т.ч. и в вопросе о втором браке) и неистовый инок, «нестяжатель» Вассиан Косой (в миру князь В.И. Патрикеев, насильно постриженный в монахи за участие в придворных интригах).

Но вернемся к истории с бородой великого князя. Наш главный источник во всей этой истории – это знаменитые «Записки о Московии» имперского посланника барона С. фон Герберштейна, дважды бывавшего в Москве времен Василия III. Передавая один из разговоров с русским государем, он писал, что «среди прочего он (Василий III – В.П.) спрашивал меня, брил ли я бороду, что выразилось одним словом: “brill”. Когда я сознался в этом, он сказал: “И это по-нашему” (выделено нами – В.П.), т. е. как бы говоря: “И мы брили”. В самом деле, когда он женился

² Очерки истории СССР. Т. V. М., 1955. С. 110-111.

³ Щербатов М.М. История Российская от древнейших времен. Т. IV. Ч. II. СПб., 1783. С. 506-507.

⁴ Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Т. 5 // Соловьев С.М. Сочинения. Кн. III. М., 1989. С. 288.

вторично, то сбрил [совершенно] бороду, чего, [как они уверяли], не делал никогда никто из государей...»⁵.

В этом небольшом отрывке обращает на себя внимание фраза Василия III – «И это по-нашему». Из нее следует, что обычай брить бороду был не в новинку русским. Более того, похоже, что и высшая аристократия не гнушалась этим. Во всяком случае, сохранилось любопытное послание ростовского архиепископа Феодосия некоему князю, датируемое 50-ми – нач. 60-х гг. XV в. В этом послании архиепископ, увещевая князя, вопрошал у него, «чего ради закону Божию не повинуюешься и супротивная твориши, проклятую бритву накладаеши на браду свою, женам угодие творящи». По мнению иерарха, «сие дело блудлюбие есть» и, покушаясь на бритье бороды, князь тем самым, «сия творя, поругаешися образу Божию, создавшему тя по образу своему». Более того, брадобритие, продолжал свою мысль архиепископ, «чюже христианьского обычая, но латынское любомудрие есть», а посему, если князь хочет спасти свою бессмертную душу – «престани от такового нечестия, его же ненавидит Бог...»⁶.

В этом небольшом послании как в капле воды отразились воззрения позднесредневековых русских ревнителей старины и чистоты веры на проблему брадобрития. Последнее, по их мнению, не только являлось «блудлюбием» (напрашивается параллель со вторым браком⁷), но, будучи чуждым обычаям истинных, православных, христиан, говорило о нечестии «обнажившего» лицо и его склонности к «латинству». Принадлежность к православию такого человека, т.о., подвергалась сомнению. Однако, судя по всему, это не очень пугало любителей бритья бород, и во 2-й четверти XVI в. этот обычай получает все более и более широкое хождение. И вот государь решился последовать этому осуждаемому церковью обычаю и сбрил бороду, оставив только усы. «Сначала развод, потом бритье бороды – право же, Василий III опасно играл с канонами!»⁸. С этой оценкой поступка великого князя трудно не согласиться! Мотивы, озвученные в знаменитом послании псковского старца Филофея Василию III (написанному, кстати, примерно в те же годы, что и казус со вторым браком и бородой)⁹, были достаточно популярны и широко распространены в книжных кругах. И когда благочестивый православный государь, коему надлежало держать врученное ему Богом последнее («два Рима падоша, а третии стоит, а четвертому не быти») православное государство «со страхом Божиим», сперва разводится, а потом женится второй раз, да еще при этом сбривает бороду, «поругаясь» образу Божьему – было от чего прийти в смятение!

Естественно, что вызванное столь неординарным поступком нестроение в умах не могло не вызвать противоречивой реакции среди русских книжников. Часть из них, видимо руководствуясь принципом, изложенным все тем же Герберштейном («Они (т.е. русские – **В.П.**) прямо заявляют, что воля государя есть воля Божья и что бы ни сделал государь, он делает это по воле Божьей» и «если кто-нибудь спрашивает о каком-либо неверном или сомнительном деле, то обычно получает ответ: «Про то ведает Бог да великий государь»...»¹⁰), приняли сторону Василия. Примером тому

⁵ Герберштейн С. Записки о Московии. Т. I. М., 2007. С. 563.

⁶ Русский феодальный архив XIV – первой трети XVI века. Ч. IV. М., 1986. С. 178.

⁷ См., например, доводы противников развода и второго брака Василия III: Зимин 1976. С. 142, 144.

⁸ Филюшкин А.И. Василий III. М., 2010. С. 285.

⁹ Послание к великому князю Василию, в нем же о исправлении крестнаго знамения и о содомском блуде // Синицына Н.В. III Рим. Истоки и эволюция русской средневековой концепции (XV-XVI вв.). М., 1998. С. 358-360.

¹⁰ Герберштейн С. Записки о Московии. Т. I. М., 2007. С. 93.

может служить т.н. «Повесть о втором браке Василия III»¹¹, включенная в состав Пафнутаевского летописца.

Этот небольшой летописец был обнаружен академиком М.Н. Сперанским и впервые опубликован М.Н. Тихомировым еще в 1930 г. Само по себе это произведение русской книжности больше напоминает панегирик Василию III (М.Н. Тихомиров по этому поводу отмечал, что «автор (летописца – В.П.) не столько задавался целью написать правдивые летописные заметки о своей эпохе, сколько возвеличить личность и деяния великого князя...»¹²). Обращает на себя внимание тот факт, что книжник, пожелавший остаться неизвестным, по словам исследовавшего «Повесть...» Ю.К. Бегунова, был «человеком, начитанным в Священном писании, в патристической и юридической литературе того времени, который умел подбирать нужные цитаты». При этом исследователь предположил, что панегирист входил в узкий круг доверенных лиц как государя, так и митрополита (с последним, впрочем, можно и поспорить – В.П.)¹³. И положительная оценка предпринятых Василием III сомнительных с точки зрения ревнителей ортодоксальной нравственности шагов, данная неизвестным книжником (М.Н. Тихомиров высказывал предположение, что автором летописца был ученик настоятеля Боровского Пафнутаева монастыря Пафнутия некий Иннокентий¹⁴), в таком случае вполне объяснима.

Так какие же доводы привел панегирист в защиту поступка Василия III? По его словам, что перед «свѣзкуплением второго брака» «государь власы главныя и браду обнажи» и «обнаженною главою и брадою явися страшен и любим» «яко же стратиг силы небесныя» (sic – !), сравнивая «явление» великого князя перед своим двором в новом облике с явлением архангела Михаила Иисусу Навину под стенами Иерихона (Нав 5, 13-14). При этом он подчеркивал, что Василий III «страшен явися иноплеменником **взора ради стратижского** (выделено нами – В.П. Т.е., с точки зрения книжника, новый облик великого князя с «обнаженною главою и брадою» соответствует представлениям о том, как должен выглядеть даже не рядовой воин, а «стратиг», т.е. воевода!)...»¹⁵. И вот что любопытно – в иконописной, и византийской, и русской, традиции архангел Михаил традиционно изображался в образе молодого человека **без бороды** (выделено нами – В.П.)! Не потому ли он удивлялся тому, что, увидев «обнаженного» «главою и брадою» Василия, «неции от невеглас и от поселян глагола сие: «Не подобает царем глав и брад обнажати»...». С точки зрения пораженного такими претензиями анонима, возмущение «невегласов» связано прежде всего с тем, что «сии убо неразумнии человеци скоте приложися и уподобися им (sic – !), божественных писании ни следа ни знаа, так глаголють». И далее панегирист, ссылаясь на Книгу Царств, писал, что «царем подобает обновлятися и украшатися всячески» (правда, не совсем понятно, на что именно он намекал, ибо в Книгах Царств нет прямых указаний на необходимость «обновления и украшения» царей – В.П.).

Но на этом пожелавший остаться неизвестным книжник не остановился. Продолжая защищать Василия III, он выдвигает еще один тезис. Ссылаясь на «божественнаа правила», повелевающие «влас главы твоеа не питаи», но «паче ж

¹¹ Бегунов Ю.К. Повесть о втором браке Василия III // ТОДРЛ. Т. XXV. Памятники русской литературы X-XVII вв. М.-Л., 1970. С. 105-118.

¹² Тихомиров М.Н. Русское летописание. М., 1979. С. 156.

¹³ Бегунов Ю.К. Повесть о втором браке Василия III // ТОДРЛ. Т. XXV. Памятники русской литературы X-XVII вв. М.-Л., 1970. С. 118.

¹⁴ Тихомиров М.Н. Русское летописание. М., 1979. С. 158.

¹⁵ Бегунов Ю.К. Повесть о втором браке Василия III // ТОДРЛ. Т. XXV. Памятники русской литературы X-XVII вв. М.-Л., 1970. С. 118.

устригая их и очищай» (очевидно, панегирист имел в виду 5-е правило из т.н. «Постановлений святых апостолов», раннехристианского сборника канонического права, приписываемого св. Клименту, в котором говорилось – «волос космы своей не отращивай, но лучше подрезывай и обстригай ее, ... ибо тебе, верующему и человеку Божию, непозволительно отращивать волосы на голове и собирать их воедино, то есть в косу, или завивать их, или беречь их необстриженными, равно как взбивать их, или чрез расческу и завивку делать их кудрявыми, или подкрашивать их»¹⁶), летописец приходит к выводу, что «сему бо осужения царь и государь несть повинен»¹⁷.

Итак, официальная позиция и аргументы защитников брадобрития ясны и прозрачны. Что же думали и что писали по этому поводу их оппоненты? Для начала приведем выдержку из послания Вассиана Косого (?) Василию III¹⁸. Но даже если полагать, что автором этого произведения был не Вассиан, тем не менее, очевидно, в вопросе о позволительности брадобрития и иосифляне (в лице Даниила и его сторонников), и нестяжатели были едины]. Обращаясь по старой памяти к великому князю, инок напоминал ему, что среди прочих его обязанностей есть и касающаяся бороды – «брад и усов не брители, не торшители, и сану своего ни чим не вредити...»¹⁹. Но намного больший интерес представляет целое учение о небритии бороды, которое развернул в своих сочинениях митрополит Даниил, известный своей суровостью и строгостью в соблюдении канонов в бытность игуменом Волоколамского монастыря.

Уступив великому князю в вопросе о втором браке (пошел навстречу, но с оговоркой – в трех своих посланиях к пасомым митрополит последовательно защищал тезис о нерасторжимости брака). Не называя конкретно Василия III (Даниил был, судя по всему, искусственным царедворцем), митрополит обрушивается с гневными филиппиками на утвердившийся обычай брить бороду, голову и вообще уделять чрезмерное, по мнению первоиерарха, внимание вопросам «главной», и не только, красоты.

Почему митрополит ополчается всей силой своего таланта и авторитета против бреющих бороды? Ответ на этот вопрос он дает в своих писаниях более чем прозрачный. С его точки зрения, борода – неременный признак мужчины, почему он и вопрошает брадобритцев, заявляющих, что де «не хочу, рече, жена быти, но муж, яков-же и есмь»: «Да аще еси муж, и не хочещи жена быти, почто брады твоя или ланит твоих власы щиплещи, и искорени исторзати не срамляещи?»²⁰. Бритое, гладкое и лишенное всяких следов растительности лицо мужчины для Даниила ничем не отличается от женского. Потому-то, осуждая тогдашних петиметров (сравнивая их с жеребцами и вепрями, «к свинии своей похотствующим»), митрополит с гневом восклицал: «Власы же твоя не точию бритвою и с плотию отъемлещи, но и щипцем искорене изтарзаещи, и щипати не стыдишися, женам позавидев, мужское свое лице на женское претворяещи. Или весь хочещи жена быти? О помрачения сластей плотских! О безумия конечнаго!»²¹.

¹⁶ Постановления святых апостолов через Климента, римского епископа и гражданина переданные. СПб., 2002. I. 4.

¹⁷ Бегунов Ю.К. Повесть о втором браке Василия III // ТОДРЛ. Т. XXV. Памятники русской литературы X-XVII вв. М.-Л., 1970. С. 118.

¹⁸ Мы исходим из предположения, что автором первоначальной редакции т.н. «Валаамской беседы» был именно Вассиан (о самой «Беседе» и проблеме ее авторства см., например: Валаамская беседа 1988: 104-105

¹⁹ Разсуждение инока князя Вассиана о неприличии монастырям владеть отчинами 1859: 13-14.

²⁰ Даниил. Первая часть двенадцатого слова // Жмакин В.И. Митрополит Даниил и его сочинения. Отдел приложений. М., 1881. С. 20.

²¹ Там же.

В этой цитате обращает на себя внимание следующий вопрос митрополита, обращенный к противникам бород: «Или весь хочещи жена быти?». Задав его, Даниил поднимал весьма щекотливый вопрос. Речь ведь идет не только и не столько о том, что тот, кто бреет бороду, гоняется за модной и яркой одеждой и обувью, «выше меры» умывается и красится «так, якоже и женам не лепо есть...», тем самым «угожаа блудницам»²². Нет, главная опасность, по мнению Даниила, крылась в другом – в том, что проделывая все это, тогдашний франт «мужей в женский изводил образ»²³. А это не только нарушало насаждаемые церковью гендерные стереотипы и роли (см., к примеру, соответствующие пассажи из цитированного выше послания ростовского архиепископа Феодосия – В.П.), но затрагивало очень болезненный для тогдашнего русского общества вопрос о содомском грехе.

Осуждение этого «сквернавого дела» занимало не последнее место в писаниях русских книжников того времени. К примеру, в упоминавшемся выше послании Василию III старец Филофей поставил содомию на третье место среди тех грехов, которые обязан, как православный государь, изжить великий князь²⁴. Естественно, что Даниил, по своему положению обязанный заботиться о моральном облике своей паствы, не мог не затронуть эту тему в своих посланиях. Обращаясь к тем, кто, сбрасывая бороду, кто «лицо же твое много умываеши, и натрываетеши, ланиты червлены, красны, светлы твориши, якоже некая брашна дивно сътворено на снеть готовишися», кто «устне же светлы, чисты ми червлены зело дивно уставивь, якоже неким женам обычай есть кознию некоею ухитряти себе красоту, сице же подобно им ты украсив, натер, намазав, благоуханием помазав, мягцы зело уставляеши, якоже сими возмощи многих прельстити...», кто «тело же свое не точию обиадении и пианства, но и безчисленными измовении, и натривании и сице блистатися и светлитися устраеаеши, якоже велми дивен некий камень лучи светлый испущаа...», Даниил подчеркивал, что «якоже бе прельщение рыбама удица, сице же и твоя плоть прельщение и съблзани иже по образу Божию созданным человеком...»²⁵.

И, беспощадно бичуя таких франтов, обращающих мужской образ в женский, митрополит вопрошал: «Како же чистоту сохраниши, а ты красносияюща лица обзираеши? Како же умиление сердечное приимеши, а ты с отроки доброзрачными въдворяешися, и беседеши, и светлость лиц их любиши смотрети?»²⁶. И далее митрополит подробно объяснял всю опасность этих действий, ибо «юннии бо съблзнительнее жен человеком бывают (особенно если они «мужеское свое лице на женское» претворят – В.П.), и аще вино и жены отлучают и доброразумных от Бога, кольми паче юноша злоделательныя». «Что бо же прелестно от них, – развивал свою мысль дальше Даниил, – цветут лица их, и сияют аки луча испущаеще, уста же, и глас, и усклабления, и прелестнее, лепотнее жен; инаа же съкратим о сих глаголати...». Потому-то, восклицает митрополит, «не ревнуйте блудним юношам, и не съдворяйтесь с ними, но бегайте събрания их и отлучайтесь, тлять бо обычаа благы беседы злы...»²⁷.

²² Даниил. Наказание 13-е // Жмакин В.И. Митрополит Даниил и его сочинения. Отдел приложений. М., 1881. С. 28.

²³ Там же, с. 29.

²⁴ Послание к великому князю Василию, в нем же о исправлении крестнаго знамения и о содомском блуде // Синецкая Н.В. III Рим. Истоки и эволюция русской средневековой концепции (XV-XVI вв.). М., 1998. С. 359-360.

²⁵ Даниил. Первая часть двенадцатого слова // Жмакин В.И. Митрополит Даниил и его сочинения. Отдел приложений. М., 1881. С. 20.

²⁶ Даниил. Наказание 13-е // Жмакин В.И. Митрополит Даниил и его сочинения. Отдел приложений. М., 1881. С. 29.

²⁷ Там же, с. 31.

Намеки, сделанные Даниилом, были более чем прозрачны, и в свете всего сказанного выше становится ясным, почему дискуссия вокруг вопроса о позволительности бритья бород (и головы в том числе) продолжилась и после смерти Василия III и изгнания самого Даниила с митрополичьей кафедры. В 40-х гг. XVI в. вопрос о бритье бород снова стал предметом оживленного обсуждения в церковных и книжных кругах, а затем вышел и на государственный уровень. Почитай, все мало-мальски значимые книжники так или иначе откликнулись на эту проблему. Так, в своем «Слове к верным» священник Ермолай (в иночестве Еразм) развил целое учение о непозволительности брадобрития. В этом его «учении» можно выделить ряд основополагающих тезисов. Во-первых, для него борода суть Божье порождение, «богоданную красоту честнейши злата и сребра, – писал Ермолай, – и камня драгаго и бисера, понеже бо Бог сотвори все честнейши на земле человеческую плоть, созда бо ея своими руками, злато же и серебро и камень многоценное повеле земли и воде ражати». Потому-то Ермолай задавал резонный вопрос: «Какоже сия власы не честнейши ли сего всего суть, яко ражаются от богосозданныя человеческия плоти, и во время повеленное Богом?..»²⁸.

Во-вторых, борода, согласно Ермолаю, являлась признаком не всякого мужчины, но мужа – зрелого и умудренного жизнью («егда убо человеку не совершенному меры возраста и разума, тогда Бог учреди и лицу его быти нагу. Егда же сподобится лет совершенного возраста, положи убо в ту годину одетися устам его и лицу его власы, показуя его инем человеком яко да видят и сверше на, и не к тому уже яко юношу младого разума вменяют и, но в меру исполнена саном возраста»)²⁹. Поэтому, восклицал книжник, «не младость бо есть красота, но се красота, ею же Бог человека украсил есть, в ня же лета достоит ему тако быти», отсюда и недоуменный вопрос к тем, кто бреет бороду: «Како же смеем сие изрезати, еже не от наших рук сотворено есть?». А тем же «невегласам», кои «ркут», что де «нелепо есть се (т.е. иметь бороду и волосы не подстригать – В.П.) и непремудрено», Ермолай с юмором советовал: «Прими же ты младенца пятилетня и сотвори ему таковой сан...»³⁰.

И в-третьих, Ермолай также поднимал вопрос о содомском грехе, который для него тесно увязывался с бритьем бород. Осуждая тех, кто бреет и выщипывает бороду и всякую растительность на лице, он писал, что они, «груб смысл имуще, и Божия премудрости исполнение мнящее яко тленну вещь преобидети, режут и терхают потребляюще власы одеяния личнаго, иже суть на устех и на браде, **мнящее младостию краситься некоего ради сквернаваго дела** (выделено нами – В.П.)...»³¹.

Свое веское мнение по поводу бритья бород и головы высказал и Максим Грек. В послании Алексею Адашеву он с прискорбием констатировал, что де «егда увижу на главах **бритых православных** (выделено нами – В.П.), и от глубины сердца въздыхаю воистину, что христиане уподобляют себе христианоборцом турком», да так, что «не можешь иным знати их, что христиане, точию крестным знамением...» (и снова перед нами мотив, обозначенный архиепископом Феодосием – В.П.)³². В специальном же послании Ивану IV Максим, подобно Ермолаю, развернул целое учение о небритии бород, ссылаясь на авторитет Священного Писания. По мнению

²⁸ Слово к верным, иже христиания словом нарицаются, Богови же супротивящесе коварствы, и в сем на ся греха не возлагают. Благослови отче // Жмакин В.И. Митрополит Даниил и его сочинения. Отдел приложений. М., 1881. С. 63.

²⁹ Там же.

³⁰ Там же.

³¹ Там же.

³² Грек Максим. Послание Максима Грека к Иоанну Васильевичу о брадобритии // Жмакин В.И. Митрополит Даниил и его сочинения. Приложения. М., 1881. С. 81-84.

Грека, бороды брить нельзя, во-первых, потому, что «ус же и брада **предобрейше умышлена была премудрейшим хитрецем Богом**, не точию к разнанию женского пола и мужеского, но еще и **честновидному благолепию лиц наших** (выделено нами – В.П.)...»; а во-вторых, нельзя в этом вопросе уподобляться латинянам, которых «ветхого Рима святитель соборным правилом своим отлучает, глаголют, от сообщения верных не бреющих брады...»³³.

Не остался в стороне и знаменитый протопоп Сильвестр, также поучавший юного Ивана Васильевича: «Преступихом заповедь Божию, возненавидехом, по созданию Божию, свой образ, и строимся женскою подобою, на прелесть блудником, главу и браду и ус бреем, ни по чему не обрящемся крестьяне: ни по образу, ни по одеянию, ни по делом...»³⁴.

Окончательное разрешение вопрос о позволительности брадобрития был разрешен на Стоглавом соборе 1551 г. Его созыву предшествовала долгая подготовительная работа, и среди вопросов, которые предварительно рассматривались, прежде чем быть вынесенными на обсуждение соборных отцов, был и интересующий нас вопрос. Так, некий оставшийся неизвестным клирик (возможно, инок Волоколамского монастыря) составил список из 16 церковных «неисправлений», которые должны были быть рассмотрены на этом соборе, и 11-м пунктом в этом списке как раз и было брадобритие. Обращает на себя внимание набор аргументов против брадобрития в этой записке – «бороды бреют и усы, ркоут то образу Божию поругаются и вере супротивляются, в женский образ превращаются...»³⁵. И вопрос о позволительности бритья бород был внесен в список так называемых «царских вопросов» к соборным отцам в следующей формулировке: «Да по грехом слабость, и небрежение, и нерадение вниде в мир в нынешнее время. Нарикаемся християне, а в тридцать лет и старые главы и брады бреют и ус подкусывают, и платье и одежду иноверных земель носят, то почему познати християнина?»³⁶ [Стоглав 1863: 52].

Ответу на этот вопрос царя была посвящена целая (40-я) глава Стоглава – «От священных правил о острижении брад», и ответ этот звучал однозначно и недвусмысленно: «Такоже священные правила возбраняют православным християном во всем, чтобы не брители брад и усов непристригати» [Стоглав 1863: 124]. Почему – а потому, что «таковая несть православных, но поганых латынская и еретическая предания, греческаго царя Константина Ковалина». Более того, «о сем отеческая и апостольская правила вельми запрещають и отрицають», ибо «**еретические слуги есть брады постризати, сеже творящее человеческого ради угождения противящееся закону, ненавидими будут от Бога, создавшего нас по образцу своему** (выделено нами – В.П.)...». Поэтому, по мнению соборных отцов (обосновавших его многочисленными, и, увы, не всегда верными отсылками на авторитет Священного Писания, святых отцов и Соборов), «аще кто хочет угодити Богу, отступи от зла (т.е. от брадобрития – В.П.)...».

Итак, на Стоглавом соборе брадобритие было окончательно признано злом и практически приравнено к ереси и противлению Божьей воле. И появление в апреле 1552 г. «по цареву великого князя слову» соответствующей «выписи», в которой, среди прочего, подданным великого князя предписывалось не брить бороды и не подрезать их, а также не стричь усы под угрозой, что если «в том на них доведут и

³³ Грек Максим. Послание Максима Грека к Иоанну Васильевичу о брадобритии // Жмакин В.И. Митрополит Даниил и его сочинения. Приложения. М., 1881. С. 82.

³⁴ Сильвестр. Послание к царю Ивану Васильевичу // ЧОИДР. 1874. № 1. С. 86.

³⁵ Тихонравов Н.С. Заметка для истории Стоглава // Летописи русской литературы и древности. Т. V. М., 1863. III. Смесь. С. 138.

³⁶ Стоглав. СПб., 1863. С. 124, 126.

обличении будут достоверными свидетели, и тем быти от царя, великого князя, в великой опале по градским законам, а от святителей им же быти в духовном запрещении по священным правилом...»³⁷. Таким образом, канон, освященный авторитетом Стоглавого собора, стал нормой светского права, и бритье бороды приравнено к преступлению, караемому властями. Густая же и окладистая борода стала неотъемлемым признаком «доброего» москвитя (хотя и не без исключений – достаточно вспомнить «парсуну» – портрет молодого князя М. Скопина-Шуйского, одного из главных героев Смутного времени).

P.S. Любопытный факт, датируемый 1555 г.: «Когда все встали из-за стола, государь (Иван IV – В.П.) подозвал наших (английских послов – В.П.) к своему столу, чтобы дать каждому по кубку из своих рук, и взял в свою руку бороду г. Джорджа Киллингуорзса, которая свисала через стол, и шуточно передал ее митрополиту (Макарию – В.П.), который, как бы благословляя ее, сказал по-русски, что это – Божий дар. И, действительно, в то время борода его (Киллингуорзса – В.П.) была не только густая, широкая и русого цвета, но в длину имела пять футов и два дюйма (больше полутора метров – В.П.)...»³⁸.

Список литературы

1. Бегунов Ю.К. Повесть о втором браке Василия III // ТОДРЛ. – Т. XXV. Памятники русской литературы X – XVII вв. – М.-Л., 1970. – С. 105-118.
2. Валаамская беседа // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2 (вторая половина XIV – XVI в.). – Ч. 1. – Л., 1988. – С. 104-105.
3. Вассиан. Разсуждение инока князя Вассиана о неприличии монастырям владеть отчинами // ЧОИДР. – 1859. – Кн. III. – III. Материялы славянские. – С. 1-16.
4. Выпись Андрею Берсеневу и Хозяину Тютину // Жмакин В.И. Митрополит Даниил и его сочинения. Отдел приложений. – М., 1881. – С. 76-77.
5. Герберштейн С. Записки о Московии. – Т. I. – М., 2007. – 776 с.
6. Грек, Максим. Инока Максима Грека послание к Адашеву, о тафьях // Сочинения преподобного Максима Грека. – Часть 2. – Казань, 1860. – С. 382-386.
7. Грек, Максим. Послание Максима Грека к Иоанну Васильевичу о брадобритии // Жмакин В.И. Митрополит Даниил и его сочинения. Приложения. – М., 1881. – С. 81-84.
8. Даниил. Наказание 13-е // Жмакин В.И. Митрополит Даниил и его сочинения. Отдел приложений. – М., 1881. – С. 26-32.
9. Даниил. Первая часть двенадцатого слова // Жмакин В.И. Митрополит Даниил и его сочинения. Отдел приложений. – М., 1881. – С. 16-22.
10. Зимин А.А. Выпись о втором браке Василия III // ТОДРЛ. – Т. 30. – Л., 1976. – С. 132-148.
11. Лэйн Г. Письмо г. Генри Лэйна к достопочтенному г. Уильяму Сэндерсону с кратким изложением открытий на северо-востоке за 33 года (написано после 1583 г.) // Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке. – Рязань, 2007. – С. 346-351.
12. Очерки истории СССР. – Т. V. – М., 1955. – 959 с.
13. Послание к великому князю Василию, в нем же о исправлении крестнаго знамения и о содомском блюде // Синицына Н.В. III Рим. Истоки и эволюция русской средневековой концепции (XV – XVI вв.). – М., 1998. – С. 358-360.
14. Постановления святых апостолов через Климента, римского епископа и гражданина переданные. – СПб., 2002. – 208 с.
15. Русский феодальный архив XIV – первой трети XVI века. – Ч. IV. – М., 1986. – 126 с.

³⁷ Выпись Андрею Берсеневу и Хозяину Тютину // Жмакин В.И. Митрополит Даниил и его сочинения. Отдел приложений. М., 1881. С. 77.

³⁸ Лэйн Г. Письмо г. Генри Лэйна к достопочтенному г. Уильяму Сэндерсону с кратким изложением открытий на северо-востоке за 33 года (написано после 1583 г.) // Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке. Рязань, 2007. С. 346-351.

16. Сильвестр. Послание к царю Ивану Васильевичу // ЧОИДР. – 1874. – № 1. – С. 69-87.
17. Слово к верным, иже христиана словом нарицаются, Богови же супротивящиеся коварствы, и в сем на ся греха не возлагают. Благослови отче // Жмакин В.И. Митрополит Даниил и его сочинения. Отдел приложений. – М., 1881. – С. 62-69.
18. Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Т. 5 // Соловьев С.М. Сочинения. Кн. III. М., 1989. – С. 7-380.
19. Стоглав. – СПб., 1863. – 340 с.
20. Тихомиров М.Н. Русское летописание. – М., 1979. – 384 с.
21. Тихонравов Н.С. Заметка для истории Стоглава // Летописи русской литературы и древности. – Т. V. – М., 1863. – III. Смесь. – С. 137-144.
22. Филюшкин А.И. Василий III. – М., 2010. – 346 с.
23. Щербатов М.М. История Российская от древнейших времен. – Т. IV. – Ч. II. – СПб., 1783. – 593 с.

«AS TO LOOSE WOMEN THE CUSTOM IS...»: INCIDENT WITH VASILY III'S BEARD

V.P. Penskoj

Belgorod state national research university

e-mail: penskoj@bsu.edu.ru

In article the author analyzes a brisk discussion among the Russian scribes of the 2nd quarter of the 16th century. This discussion was caused by a decisive step of the grand duke Vasily III. The prince before second marriage shaved a beard. This its step caused an original shock of moral bases of the Russian society and put a number of moral and political problems before scribes. They were resolved after Vasily III's death at his successor Ivan IV. Bradobrity it was forbidden by the decision of Stoglavy cathedral as a sin and it was equated to a criminal offense. Prohibition a bradobritiya promoted completion of formation of classical shape of the resident of Moskovia.

Keywords: Russia and the Russian society in the 16th century, the Russian culture of the 16th century, gender roles, traditionalism.
